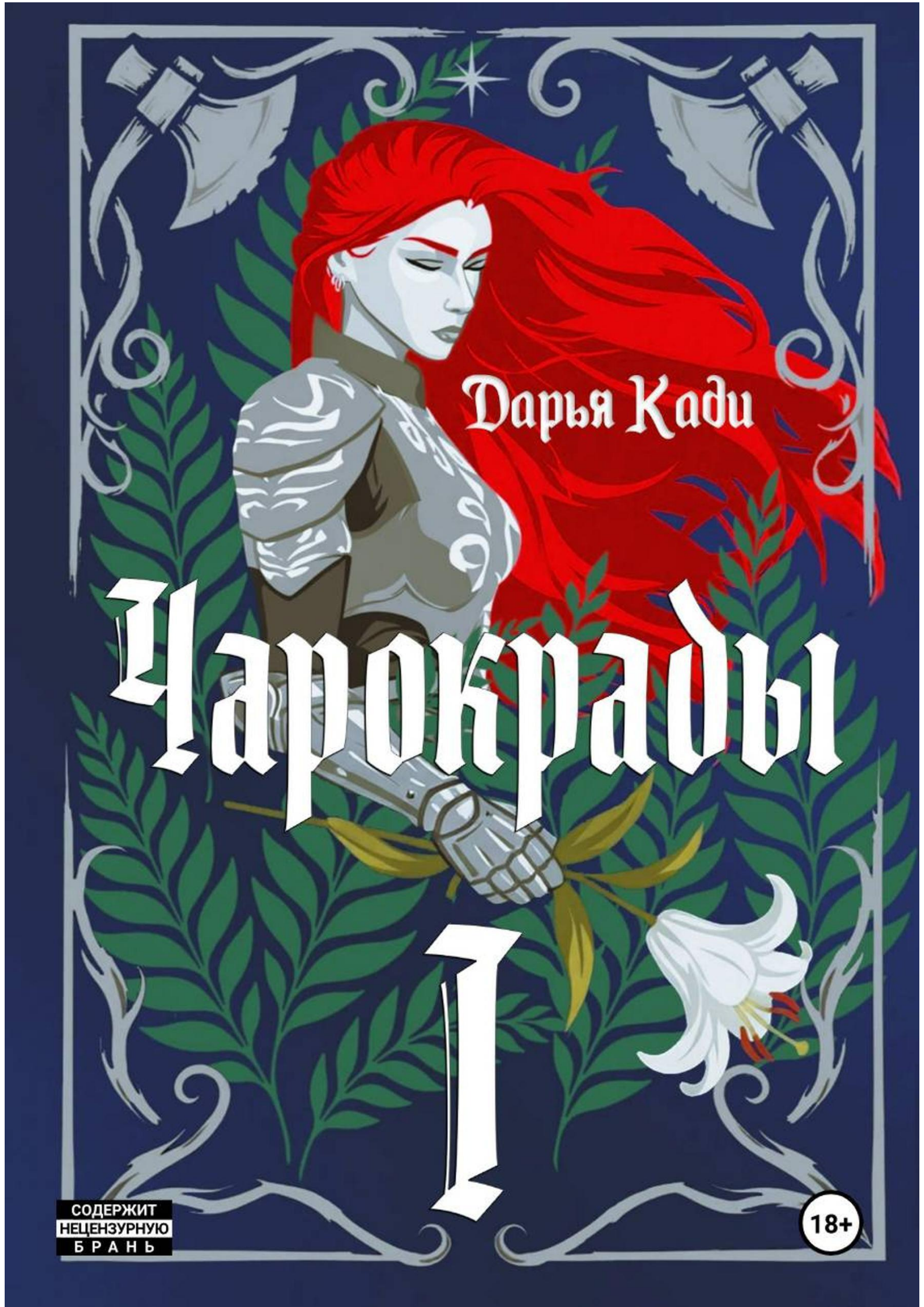

Дарья Каду

Цароградь

I

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дарья Кад

Чарокрады. Том 1

«Автор»

2026

Кади Д.

Чарокрады. Том 1 / Д. Кади — «Автор», 2026

Странные дела творятся в Идирндоле, в краю без законов и государств. Распри среди магов запустили цепную реакцию: леса сменяются пустошами, горы раскалываются, а гнёзда вымерших чудищ вновь полны молодняком. Брюн, выросшая в гномьих копиях и получившая репутацию чарокрада стремится не просто выжить, но и не дать конфликту перерасти в катастрофу. За её голову назначена награда, и единственный шанс спастись — собрать команду таких же изгоев. Вместе с чародейкой-отступницей, гномом-наёмником, жадным до золота и битв, и некромантом, у которого свои планы в грядущей войне, Брюн бросает вызов миру, где больше нет правил. Пришло время писать новые — кровью и заклинаниями.

© Кади Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Нежданные гости	5
Карта мира	15
Глава 2 Глохики	16
Глава 3 Мир за Завесой	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Дарья Кади

Чарокрады. Том 1

Глава 1 Нежданные гости

Воздух тронул смрад крови.

Ожбик замедлил шаг и перехватил посох двумя руками, наострив тронутое годами и оттого едва слышащее ухо к чаще. Ничего, кроме дрозда, ведущего утреннюю песнь у него над головой.

Другое чутьё, волховское и куда более верное, холодило седой затылок обещанием древней магии, сошедшей сверху ливнем. Незримая, она ветвилась меж зелёных стволов, сгущалась в кустарниках, копилась с намерением полыхнуть искрами. Траквильский лес гудел неведомо от населявших его тварей, но старый волхв слышал — как и всякую магию, ласкающую нутро.

Но эта норвила разорвать грудину.

Ожбик крепче вцепился в древко посоха. Кровью несло отовсюду, будто она окропила листву и текла вместо ручьёв. Дрозд умолк. И ветер отказался говорить с кронами.

А потом раздался чудовищный гул, напоминавший вой раненого дракона. Земля затрепала, деревья пали оземь, дрозд полетел прочь, вереща. Ожбик воткнул посох в землю, чтобы его не унесло волной, пропитанной магией, и прошептал защитное заклинание. Последовал грохот — так ревели горы в начале времён, вырастая и сталкиваясь породами. На горизонте заматолось голубое зарево, ровно там, где на окраине чащи начинались пустоши, испепелённые чудовищными силами тысячу лет назад.

Когда волна миновала, Ожбик поспешил вперёд. Прибитые к земле стволы обнажили пустыню вдалеке, где остывала крепость — поддёрнутые туманом, раскалённые тёмные башни высились над серыми песками подобно гигантам, упавшим с небес.

Предания гласили о городе Траквиле, который населяли чародеи, и который исчез с этих земель, оставив после себя дымящийся бесплодный котлован. Ожбик мог поклясться, что вдали видел тот самый город, а точнее, его главную цитадель — обитель Двора Затмевателей.

Солнце вскарабкалось к зениту, когда волхв добрался до пустоши. Крепость нависала над обугленным песком, роняя с дырявых крыш каменную крошку и позелевшие мхом кирпичи. Её стены будто бы не раз лизал огонь, одновременно как и прошедшие декады, но проведенные на морской глубине, не оставили былого цвета, внушительно состарив камень.

И кровь.

Тёмно-синие подтёки не были на неё похожи, но смердели свежо, характерно и так сильно, что Ожбик прикрыл нос рукавом. Они лились с высоких башен, изрыгались из бойниц, густые, мутные. В сознании волхва застучало эхо населявших крепость тварей, возвещая об ожившем прошлом, стряхнувшим с себя пыль.

Ожбик похолодел. Он словно заглянул бездне в пасть на краю мира, а та...

Та улыбалась и хохотала сотнями голосов.

У огромной, зияющей мраком дыры, где прежде, вероятно, находились главные ворота, появилось двое. Ожбик при виде них едва успел подавить крик ужаса. Затолкав его поглубже в глотку, старый волхв развернулся, убедив себя, что это не его дело.

Лик неведомых вьелся под веки, а голова загудела странной болью, будто кто-то сомкнул стальной обруч вокруг черепа.

Они заметили его. Ожбик не видел, он почувствовал между лопаток взгляд.

«Какой сейчас год, отец?» — вползли в разум чужие мысли.

Ожбик не выдержал и схватился за голову, раздирая ногтями кожу.

«Мы не причиним тебе вреда, волхв. Ты из Кривого Рога, так? Он всё ещё здесь?» — вновь безлико пропело в сознании.

Сотрясаясь от ужаса, Ожбик обернулся, но не осмелился поднять глаз, наблюдая за тем, как синие ручейки ползли по песку, приближаясь к его ногам.

— Да куда ж он денется, — отвечал он шёпотом, но этого было достаточно, чтобы они услышали.

«Какой сейчас год?»

— Эпоха Медведя.

«Какого ещё Медведя?»

— 756-й от образования Лутарии.

«От образования чего?»

Ожбик рискнул и обратил лицо к тварям.

А они и вовсе не были ими.

Это эльфы.

На бледных обнажённых телах собирались магические искры, а возле голов мерцала дымка, но ничего пугающего боле.

Дымка сгустилась, когда волхв вежливо ответил:

— Страны-то такой нынче нет, ваше вышество. То теперь вотчина солнечного народа.

Эльфы переглянулись.

— Мир вроде тот же, но я не узнаю его, — проговорил один.

— Смертные перебили самих себя. Мы точно дома.

— Прибытие Затмевателей — так прозвали это событие. С той поры, как волхв увидел их, прошло больше ста лет, представляете? — Фрумби театрально округлил глаза, и малышня с интересом заговорила. — Парящую цитадель потом видели в других землях, но осела она на берегу океана и там вокруг неё город выстроился. Великими чародеями они были и есть теперь.

Он прервался, внимательно взглядевшись в круглые лица близнецов, не появилось ли новых высыпаний. Кажется, зелье от ветрянки сработало. Не самое сложное, но малейшая оплошность в приготовлении давала ровно противоположный эффект, высыпаний становилось в два раза больше.

— Они были как ты?

— Да. То есть, нет, — Фрумби замешкался. — Ну, мы с ними похожи, но Двор Затмевателей — могущественные чародеи, которые способны из воздуха создавать города.

— Наш город они тоже построили?

Он засмеялся и легонько потрепал ребёнка по кудрявой голове.

— Нет. Нет, конечно. Наш был построен раньше. Гораздо раньше.

— Другими чародеями?

— Да, — соврал он и улыбнулся. — Совсем другими... А теперь пора спать.

Игнорируя протестующие вопли мелких, Фрумби подул на ночник, испускающий мягкий розовый свет, а тот в ответ выпустил ему в лицо пыльцу. Сдержав чих и подоткнув обоим одеяло, он снова бегло осмотрел близнецов, прежде чем выйти в коридор. За поворотом выплыла хозяйка дома, такая же круглая и кудрявая, как и её дети.

— Спасибо, что пришли, господин Фрумби! Как мы бы были без вас! — запричитала она.

— Не стоит благодарностей, Рудбекия, — перебил он, пытаясь протиснуться между стеной и грудью хозяйки. — Думаю, завтра сыпь уже пройдёт. Если нет — вы знаете, где меня искать.

— О, господин Фрумби!

Потребовалось небольшое усилие, чтобы выбраться из ловушки пышной женщины и узкого коридора. Он вылетел на улицу, не дожидаясь, пока Рудбекия догонит его и изведёт просьбами отчаёвничать с ней на добрую ночь.

Прохладная вечерняя синева стояла в Имсэльдейле, подкрашенная россыпью золотистых огней, тут и там загорающихся в окошках каменных домов. Гигантские грибы синиды отбрасывали тень на утоптаный босыми ногами снег и излучали тепло, из-за которого их выращивали в теплицах. Пусть дмифелины привыкли жить в краю вечного снега, здешняя земля без подспорья не плодоносила, разве что река, протекающая через городок, всегда волновалась рыбой.

Фрумби разгладил пиджак, поправил на груди ремень с сумкой, забитой склянками с лечебными зельями, и пустился в небольшое путешествие с холма до своего дома. Снег умиротворённо хрустел под ногами, а глаз цеплялся за инеистые крыши, сверкающие алмазами в сумерках. Прохожие замечали Фрумби и откланивались.

— Доброй ночи, господин маг.

— Доброй ночи, — отвечал тот.

— Доброй ночи, господин Фрумби!

— Доброй ночи, Вибур.

Он прибавил ходу, уходя от бесед. Говорят, что дмифелины лишний раз в большой мир не высовываются — дай волю, Фрумби бы и в своём носе не показывал.

В Имсэльдейле стоял майский день 855-го года и ничем не отличался от 833-го, к примеру, когда он был помладше, или того года, когда ему исполнилось три и мать отвела его в первый раз на ярмарку попробовать яблоки в карамели и пироги с морошкой. Двор Затмевателей и прочее казались ему, полурослику, совсем далёкими историями, которые он любил рассказывать мелким, пока наблюдает за действием зелий.

Время в Белых Лощинах течёт совсем иначе, нежели там, за Завесой. Синиды клонили к земле серо-голубые шапки столетиями, как и дмифелины по примете проходили под ними вприпрыжку не одно поколение. Прыжки под грибами к хорошему урожаю — так говорили бабушки. Они же велели собираться к чаю после полудня, а потом по чашечке на ночь — к красочным снам.

О существовании миров вне Лощин напоминала башня магов за рекой, Пуночья Высота. Громадная, но худая будто бы клинок, вонзившийся в землю, она серебрилась вершиной в густых тучах, а первым этажом зарылась в снег, утонув в пушистых сугробах.

Его дом.

Фрумби пересёк реку по мостику и оказался на пороге башни к моменту, как последний сосед, приветливо кивнув ему, вернулся в свой дом. Дверь скрипуче распахнулась, обдавая дмифелина запахами, которые не учуешь сильнее нигде в Имсэльдейле — мандарин, кофе, гальшраирские пряности. Заморские диковинки, кои в выходной день приводили к башне немало народу за покупками.

Пение пуночек, облюбовавших крышу, несло эхом по этажам. Фрумби прикрыл глаза со вздохом, наслаждаясь моментом возвращения домой. Он снял пиджак. Повесил сумку у кухни. Разжёг огонь в печи. Отыскал любимый домашний халат на меху.

Хозяйка башни и его наставница, госпожа Иветта, уже месяц где-то странствовала, а новых учеников она давненько не набирала, поэтому Фрумби погрузился в одиночество. Как и каждый вечер, он сварил чародейкиного кофе, набил трубку табаком и поднялся на самый верх, в библиотеку, где пуночки заливались сонетами, а в окна распускались попеременно то облака, то звёзды. Книжные шкафы шли кругом вдоль стен, вобрав в себя фолианты на разных языках и о разных видах магии. В центре раскидал резные края каменный стол, с подсвечником и несколькими книгами в узорных обложках, отобранными Фрумби для изучения на ближайшую неделю.

Щёлкнув пальцами и выпустив искру в камин, дмифелин уместился в слишком крупное для него кресло и потянулся к верхнему тому в стопке.

Треск.

Вспышка.

Так и замерев ладонью над книгами, Фрумби поднял глаза.

Над его столом возвышалась богиня — такой поначалу ему показалась женщина со светящимися глазами и свирепым выражением лица. Роста в ней было на порядок больше, чем в человеке и тем более полурослике, а за спиной торчал наконечник длинного копья. Фрумби не смог пошевелиться, лишь скосил глаза к древку оружия, которому не хватало лишь сантиметра, чтобы упереться в пол.

— Где твоя госпожа, мелочь? — спросила женщина с неизвестным дмифелину акцентом. Выбившиеся из высокого пучка чёрные прядки пружинили в такт каждому слову. — Она мне золотых должна!

Возможно, Фрумби и горел желанием ответить, но не успел ни этого, ни даже обдумать как следует её слова. Вторая вспышка затрещала слева. Тут он и узнал её природу — это были камни возвращения.

Светловолосый человек вышел в свет камина, озираясь по сторонам. Казалось, он нисколько не ощущал тяжесть доспехов на своём теле. Густая борода была такой же светлой. Глаза под стать — голубые, да глядели ланью в придачу.

— Добрый вечер! — он кивнул ошалевшему Фрумби. — Здесь проживает госпожа Иветта?

— Здесь, — потерянно пискнул дмифелин.

— Я принёс ей клятву несколько лет назад. И сегодня у прекрасной госпожи возникла нужда в моей помощи.

— А ты ещё кто такой? — возмутилась женщина, хмуро осмотрев его с головы до пят.

— Меня зовут Лэйгин.

— Лэйгин? Из этих что ли, экландистов, судя по твоему прикиду? Чего-то не припоминаю, чтобы Иветта водила дела со святошами.

Фрумби вжался в кресло и на всякий случай проморгался — вдруг они исчезнут. Пáры настаивающих внизу зелий нередко просачивались к верхним этажам, вызывая галлюцинации. Но ни воительница, ни благородного вида мужчина никуда не делись, только смиряли друг друга настороженными взглядами.

Треск.

Фрумби вовсе прикрыл глаза, но всё же не отрицал своей заинтересованности во вновь прибывшем. Поэтому, когда грузные шаги и недовольное сопение стали более очевидными, он приподнял веки.

На него смотрел гном.

«Это всё, я надеюсь?» — устало подумал он.

Что ж, кто только не бывал у чародейки в гостях, но ни разу не вваливалось столько народу через камни возвращения.

Видать, это она всех подговорила и вот-вот сама явится.

Поскорее бы.

Знал бы Фрумби, что вчера прошёл его последний вечер в одиночестве, не ложился бы спать так рано. А сегодня и вовсе заночевал бы у Рудбекии.

Что-то дмифелину подсказывало, что неожиданные гости задержатся надолго.

— Мне сказали, что здесь кормят, — пробасил гном в каштановую бороду.

— Что?

— Ты чё, малявка, глухой? Где еда? Чародейка позвала на ужин.

— А ты уверен, что тебе можно? — хмыкнула женщина.

Татуировка на лице гнома вытянулась, последовав за взлетевшими вверх косматыми бровями.

— Чего?

— Вон какое пузо у тебя! Или у вас гномов там один большой мускул?

— Ну-ка наклонись, дылда глазастая, чтобы я тебе мигом язык твой длинный порезал! — гном затряс кулаком, шагнув к женщине.

— Мир не прибудет в этом доме, покуда распри...

— Завали! — в один голос рявкнули воительница и гном.

Фрумби скатился по спинке кресла вниз, мечтая испариться. Жаль, что порталам он не обучен.

Но где же Иветта?

Впрочем, это так на неё похоже — сначала что-то затевать, а объяснять что к чему уже в середине пути.

Высокая женщина, игнорируя лепет светловолосого, потащила гнома за шкурку, чтобы спустить того по лестнице, пока он клялся, что вот-вот найдёт нож и перережет ей горло. И тут синеватая вспышка полыхнула вновь — над столом, на который мигом позже рухнул очередной гость.

Когда свет померк, Фрумби разглядел рыжеволосую женщину, с ног до головы покрытую ещё не успевшей остыть кровью, и замер в ужасе.

— Иветта не придёт, — мрачно сообщила она.

Часом ранее ледяной шахтёрский эль стекал по горлу, а в макушку нервно дышали зрители. Брюн прятала карты рубашкой вверх на колене, заглядывая к Пале и не отнимая кружки от рта. Ничего не подозревая, гномка собиралась швырнуть на стол туза, и Брюн пришлось толкнуть её под столом бедром. Подруга послушно выбросила вальта.

— Это чего? Сдаётесь, девоньки? — хохотнул Талик, разбивая её ход королём.

— Ещё не вечер, усатый, — Брюн опустила кружку на стол и закидала гнома тремя дамами, одну из которых достала из сапога, надеясь, что пьяный глаз соперника не разглядит карту из другой колоды. Лёгкий азарт приятно щекотал под лопаткой. — Попробуй теперь отбиться.

Зрители заулюлюкали.

— Ну ты лисица, ба!

Обиженный Талик забрал все карты, не сумев перебить, а Брюн предостерегающе прижалась коленом к Пале, чтобы та хранила туза до последнего — гном ведь припрятывал коронную шестёрку.

Острый взор девушки следил не только за руками игроков, но и за стойкой вдалеке, где Бориду разливал выпивку, а в перерывах без конца протирали посуду с отнюдь не гномьим чистоплюйством. Вечером в Зисвороб пожаловала тьма подозрительных личностей в плащах, но «Змея на Скале» пока никто из них не посетил. Что ж, часы и полуночи не отбили, всё впереди.

Пальцы приласкали рукоять топора, прислонённого к стулу.

— Девочки, вы, конечно, прекрасны, но вам всё равно не одолеть меня, — сообщил Талик, хлопая на стол две десятки поверх палиных семёрок и сметая их прочь.

Через два круга хитрый гном выбросил козырную. Пала беспомощно покосилась на Брюн, но та потеряла интерес к игре и сосредоточилось на серебристой мантии, выросшей у стойки в одно мгновение ока. Бориду взобрался на табурет, чтобы гордо стать одного роста с неожиданным посетителем и выжидающе поднял чернявые брови.

— Где мне найти Серую Деву? — услышала Брюн глубокий женский голос.

«Проклятье».

— Тебе руны нужны? Она берёт дорого. Но нет никого лучше.

Фигура сняла капюшон, открывая любопытным взглядам чёрные волосы, заплетённые аккуратной косой вокруг головы.

— Я знаю. Я сама её обучила.

— Вот же *dusenher*, — выругалась Брюн. — Я отойду.

Она сдала карты и поднялась с места.

— Кто это? — спросила Пала, ошарашенно уставившись на незнакомку.

Что ж, смуглолицые магики тут не то чтобы частые посетители, поэтому Брюн не винила её. Это в принципе первый чародей в жизни гномки, так что игра была тут же забыта, а Талик остался недовольно бурчать.

Брюн подлетела к чародейке и, улыбнувшись Бориду, повела её за локоть в сторону, к свободному столику в углу. Кисть охватил пожар, стоило ей только коснуться чародейки, но она стерпела её бушующую энергию. Все в таверне провожали их обалделыми взглядами.

— Брешишь ты, Иветта. Рунам ты меня не учила, — проговорила она, усаживая бывшую наставницу. — Любишь эффектные появления, а?

— Куда без них, — пожала плечами чародейка, скидывая мантию.

Под ней обнаружилось одеяние белого цвета, дополненное корсетом и облегающими брюками, заправленными в высокие сапоги.

— Могла бы, что ли, попроще одеться, — фыркнула Брюн, садясь напротив и вскидывая два пальца в сторону Бориду.

— В Зисворобе у меня нет врагов.

— Откуда ты знаешь?

Вместо ответа Иветта поставила локти на стол, звеня серебряными браслетами на обеих руках — её талисманы.

У каждого мага такой был. Зачарованный предмет, обычно состоящий из драгоценного камня и сплава различных металлов. Создаётся он в виде браслета, кулона или перстня, однако встречаются и другие формы. Важное условие: талисман обязательно должен контактировать с телом.

Для заклинаний чародеи черпают Первоначало — древнюю магическую энергию, а талисман стабилизирует её, предохраняя заклинателя от смертельно опасной избыточности. У Иветты таких имелось аж два, иначе собственная сила разорвёт чародейку на куски. Брюн и сейчас, в покое, ощущала её колебания, отдававшиеся холодком в позвонках.

Бориду подковылял к их столику, уместил две здоровенные кружки и раскланялся, но не сдержал отупевшего взора. Брюн здесь воспринимали как настоящую чародейку, хоть таковой она никогда не была, но вот Иветта...

Эта женщина могла моргнуть и весь Зисвороб завалить скалой, к которой деревня прилипала как ящерица к камню в летний день. В её движениях, глазах, голосе — везде читалась сила, собранная за десятилетия магических практик.

Не воротя нос от эля, Иветта отхлебнула из кружки и спросила:

— Как тут у вас дела?

— Гоблины развернули неподалёку стоянку, да и прочая нечисть плодится без конца. Отголоски куруадской угрозы и до наших шахт долетают, — честно выдала Брюн. — Первоначало нестабильно уже как сотню лет и Вехи трясут землю. Как ты думаешь, как у нас дела?

— Достаточно хорошо, чтобы протирать штаны в таверне.

Брюн прищурилась и хотела съязвить в ответ, однако движение теней у входной двери отвлекло её.

— Это за тобой пришли? — она стрельнула глазами к молодым в плащах, не гномьего, но и не человеческого роста, занявшим столик в начале. — Ни для кого не секрет, что Двор Затмевателей мечтает увидеть твою голову на блюде за обедом, с яблочком во рту.

— Меня нельзя убить, — спокойно ответила Иветта, но плащом у входа оценила. Не понравились, однако угрозы от них она не почувствовала.

Брюн на всякий пригляделась к топору, оставленному рядом с Палой, продолжавшей глазеть в их сторону.

— Да. Бессмертная Иветта. Убийца Безумца, — отчеканила она имя легенды. — Они найдут способ поквитаться с тобой. Ты обучаешь глохиков. Ты школу отгрохала для глохиков. Они так просто это не оставят.

— Ты сама глохик, — мирно напомнила Иветта, осушив тем временем пол кружки.

— Да, и мне нравилось им быть, — признала Брюн. — Но не когда Двор обвинил нас в том, что мы воруют у них магию. Чарокрадами нас теперь кличут.

Иветта посмотрела на неё с сочувствием.

— Нам запретили колдовать. Магические следы, что мы оставляем, отличаются от чистокровных, — проговорила Брюн. Чародейка, в общем-то, в курсе всего этого, но она всё равно продолжила жаловаться: — Они отследят нас за три секунды, ляпни ты хоть одно слово, чтобы зажечь грёбаную свечку.

— Но они не могут распознать руническую магию, — улыбка тронула пухлые губы.

— Брось. Это же не заклинания. Двор бесится, когда заходит речь о высшей магии. Они отслеживают только её. К счастью для меня, — Брюн склонила голову к плечу. — Зачем ты пришла?

— Неужели я не могу повидать старую подругу? — лицо в форме сердечка знакомо искажилось в лжедружелюбном выражении.

Брюн хлебнула эля. Жаль, что её брало сегодня не так быстро, как обычно.

— Выкладывай, что ты задумала, — сказала она. — Вариант навалить Затмевателям мне нравится, но сомневаюсь, что у нас двоих это получится.

— А нас вовсе не двое, — сияя, заявила Иветта.

— Трое? — протянула Брюн недоверчиво. — Карайана ты тоже втянула?

Иветта с досадой покачала головой.

— Что с тобой стало? — спросила она отчаянно, но руки, надо отдать ей должное, заламывать не стала. — Я помню милую девчушку, сбегавшую по ночам за городские стены и возвращавшуюся под утро с карманами, полными лягушек и светящихся камней из пещер. Девчушку, что зачарованно смотрела на фокусы странствующей чародейки. — Брюн поджала губы. — Девчушку, что мечтала увидеть солнечный свет во всей его красе и поднялась ради него на сам Турмвадрас. Девчушку... что так жадно поглощала знания на уроках чародейки, заставив поверить ту, что глохики гораздо больше, чем маги без Слуха.

Брюн глотала эль, как умирающий от жажды бедуин воду. Часть её внимания по-прежнему отдана залу таверны, в котором наплыло ещё больше теней. Пала и Талик ждали её сигнала.

Иветта оставалась невозмутимой и надеялась получить ответ от Брюн.

— Старой меня больше нет, — сказала она, чтобы чародейка отвязалась. — Как раньше никогда не будет. Даже горы теперь пропитаны тьмой для меня.

— Я бы не пришла к тебе, если бы речь не шла о Покойном Пределе, — козырь, уж явно глубже сапога припрятанный.

— Что?

Тени зашевелились.

А потом раздался взрыв.

Брюн инстинктивно скользнула под стол, утянув за собой чародейку и секундой после пронаблюдав, как входная дверь таверны летит в противоположную стену, сшибая столы и гномов. Плащи были скинуты, открыв зелёную кожу и примитивные доспехи.

Гоблины.

— Твою мать... — выдохнула Брюн. — Как они прошли через мои руны?

— Они не одни пришли, — спокойно проговорила чародейка.

Когтистая пятерня проникла к ним под стол, намереваясь отхватить клочок рыжих волос. Брюн перехватила её, выворачивая и слыша треск лучевой кости, а следом протяжный вой твари.

— А хватка у тебя та же, — со смешком заметила Иветта.

Брюн тряхнула головой, выползая из-под стола, и вскинула руку. Ретивый послушно рванул к хозяйке и по пути вонзился в череп гоблина, успевшего вцепиться здоровой рукой в её плечо. Брюн выдернула оружие и галантно подала руку чародейке.

Твари налетели со всех сторон.

Она швырнула топор обратно в сторону Палы, перебив позвоночник гоблина, уже занёсшему кривой меч над гномкой. Та благодарно помахала рукой. Светлые кудри успели выпачкаться в гоблинской крови, а от былой растерянности, которая всегда сопровождала Палу в карточных играх, не осталось и следа. Истая дочь гор взревела, взбираясь на стол и размахивая секирой.

Вернув Ретивого, Брюн развернулась на пятках, опуская всю тяжесть стали на нового зелёного. Чародейка тем временем отстреливалась слабыми заклинаниями, чтобы не задеть никого из гномов. Тем временем у одного из них в руках загорелся факел. Едва кто-то в суматохе успел заметить, как вспыхнула барная стойка, щедро смоченная разлитым элем, а Брюн стояла слишком далеко, чтобы это предотвратить.

Бориду зарубил гада, но пламя уже взлетело до потолка. Иветта повернулась в его сторону, прикидывая нужное заклинание.

Он...

Он.

Он появился в проходе с торчащими огрызками дверных петель. Лицо скрывал морок и как бы ни вглядывалась Брюн, различить его черты не смогла. Чародей замер на мгновение, сразу находя в хаосе сражения Иветту. Та выругалась и шагнула ближе к бывшей ученице, не успев сотворить заклинание воды.

В бледных руках появилась какая-то коробочка, украшенная то ли шипами, то ли какими-то иголками. Тёплое дыхание чародейки обладало ухом девушки, а в ладонь скользнул какой-то маленький гладкий предмет.

— Используй камень, — только и успела шепнуть Иветта, прежде чем замереть.

Волна ужаса прошла по Брюн, прикручивая её ноги к полу. Чародейка вздрогнула, а её стало сжимать, как будто на неё давили стены с двух сторон. На крик Брюн ломанулась добрая половина таверны, но чародей, коробочка и Иветта исчезли — так быстро, и девушка от шока осела на землю.

— Что случилось? — Пала опустилась рядом, обеспокоенно тряхнув Брюн.

Талик тоже подоспел, готовый выпотрошить любого, кто позарился на её жизнь. А у девушки в ушах стоял хлопок, с каким Иветту втянуло в эту магическую коробочку, и её жуткое искореженное лицо.

Магия...

Иногда она ненавидела магию.

Брюн мигом пришла в себя, подобрала топор и ринулась в бой, хотя надежды отыскать колдуна даже не возникло

Но кто он такой? Он сумел пройти через рунический круг и заключить в коробочку Иветту, и...

Иветту, мать её.

Ту магичку, что завалила в своё время самого злобного ублюдка во всей чародейской истории. Магов сильнее её попросту не существовало, даже Двор опасался связываться с ней.

Кем же тогда был урод с коробкой?

Она словно бы задавала эти вопросы гоблинам, но головы, слетающие с плеч под ударами Ретивого, умолкали навсегда.

Барная стойка горела, огонь начал перекидываться на столы. Брюн не колебалась. Вытерев с лица гоблинскую кровь, она проговорила на ломаном эльфийском:

— *Eoxprovel!*

Чёрт с ними, Затмевателями. Пусть приходят, забирают её за колдовство, но она не позволит «Змею» сгореть.

Из ниоткуда хлынул водопад, уничтожая заигравшийся огонь. Талик благодарно хлопнул её по локтю, в спешке и не пробуя достать до плеча, и рванул вслед за остальными — гоблинов погнало прочь из таверны.

Брюн и Пала выбежали наружу. Девушка затормозила на ступеньках, отпустив подругу вперёд. Там, в ночной темноте, шумел океан, в который гоблинов вот-вот столкнут с крутого обрыва. Твари не шибко умные, чтобы драпануть в другую сторону.

Но чтобы чародей был с ними...

Всё это очень странно.

Внизу желтели огни Зисвороба, чьи домики вросли в скалистую почву, будто бы всегда были частью Смурых гор. Брюн опустила глаза на то, что успела передать ей Иветта — в ладони покоился розовый камушек, гладкостью походивший на морскую гальку, но девушка его узнала.

Зачарованный родонит. Камень возвращения.

Стоит захотеть, и камень отправит владельца туда, куда настроила его Иветта. В любую часть света.

— Что магичка от тебя хотела? — спросил Бориду, поравнявшись с ней.

Не особо рассчитывая получить ответ, он обернулся, оценивая ущерб, нанесённый своему заведению. Те посетители, что остались внутри, уселись поверх развалин допивать эль — видит Тюр, подобное не ново для здешних мест.

— Втянуть в очередные разборки, очевидно, — отозвалась Брюн. — Слушай. Я использовала магию. Двор Затмевателей с минуты на минуту явится за мной.

Надо ж было чародейке не успеть «договорить» именно на этом месте.

Покойный Предел.

Да чтоб тебя...

Бориду серьёзно посмотрел на неё.

— Ну так иди. Ты сама не своя после... хм, — он не выдержал предупреждающего взгляда Брюн. — Иди. Развеешься.

— Этот хрен явно из Двора, — она махнула рукой. — Развеюсь, говоришь?

— Брюн боится каких-то остроухих магов?

Девушка прыснула.

— Тогда иди.

Солёный ветер принёс со стороны обрыва визги тварей и победный гномий клич. Брюн вновь глянула на камень. Тёплый из-за магии внутри.

«Покойный Предел».

Если она шагнёт в эту неизвестность, последствия могут стоить ей жизни. Но, с другой стороны, ей так и так нужно бежать отсюда — Затмеватели реагируют на каждое заклинание глохигов.

Как раньше никогда не будет.

Бежать нужно прямо сейчас. Не позволяя ни Двору, ни собственным мыслям догнать себя.

И необязательно бежать вслед за Иветтой, правильно? Её уволок некто покруче, а кто может круче самой Убийцы Безумца?

Бог, дьявол? Кто?

Если бы только Брюн не была обязана этой чародейке своей жизнью...

Она сдержала обречённый стон и повернулась к Бориду.

— Я оставила у тебя список рун. Обнови потом у границ, как я учила.

— Непременно.

Брюн повесила топор за спину и наклонилась, чтобы обнять толстяка.

— Ещё свидимся, — пообещала она, чувствуя, что от ответных объятий Бориду вот-вот треснут рёбра. — Прощайся со всеми за меня.

— Ты не вернёшься в Зисвороб, — вдруг проговорил гном, когда она отстранилась.

— Что ты такое говоришь? — возмутилась Брюн. — Конечно же, вернусь.

Бориду улыбнулся — грустно, через силу:

— Не забывай нас, рыжая.

Сердце девушки сжалось, а вместе с ним на камне сомкнулись пальцы — сильнее, чем следовало, — выпуская чары на волю. Слова застряли в горле, выпитый эль поднялся тошнотой туда же, а ноги оторвало от земли.

И вот её уже несло через туман разрываемого на радугу пространства — к круглому столу, у которого стояли незнакомцы.

Карта мира

Глава 2 Глохики

Почему магический дар принято называть Слухом?

Известно, что чародеи в детстве слышат Первоначало, издающее специфический гул, который они перестают замечать со временем. Слухом обладают многие из эльфов, некоторые люди и илиары. Совсем без него рождаются гномы, серолюды и дмифелины.

И всё же не обладающие этим даром способны обучиться магии — таких называют глохиками. Им доступна лишь первая ступень октав высшей магии, но тёмную они могут освоить целиком.

Глохиков обучают очень редко из-за ограничений в способностях и в целом неодобрительного к ним отношения в сообществе магов. В настоящий момент известно лишь о двух школах — бывший институт чародеек Кютис в Ветриге и башня Пуночья Высота в Имсэльдейле.

«Чародейство в Эпоху Медведя»

Дейлон Кройф

Лёгкие судорожно сжимались, гоня густой сладкий воздух башни, очищаясь от гоблинской вони и гари.

Не так далеко от гор, судя по температуре в комнате, а воздух уже приторный и тяжёлый как табачный дым. Даже под горами, в шахтах, он был куда свежее, чем тут, на поверхности.

Брюн расправила плечи, приходя в себя. Тело знобило после перемещения. Её как будто протолкнули через горлышко бутылки, потрясли и вытянули обратно. Каждый раз как в первый. И при этом у неё нашлись силы говорить, а не блевать направо и налево. Невероятно.

Неужели начинает привыкать?

— Они забрали её, — подытожила она, оглядывая слушателей.

Гном уплетал за обе щёки ветчину и горячий хлеб, запасы несчастного ребёнка, согнав того с кресла и мало обращая внимание на то, что Брюн всё ещё сидела на столе. Остальные от ужина отказались, поскольку от неё смердело кровью за версту. Здоровенная девка с копьём морщила носик, но удерживалась от стратегического бегства, хотя стояла ближе всех. Блондинистый вообще вида не подавал — паладин, скорее всего. Такие даме ничего в лицо не скажут, да и доспехи его звенели жуть как знакомо, будто песнь храмовая. Того и гляди, изольют на неё праведный свет.

— Выходит, Двор Затмевателей уже открыто нападает на тех, кто ему неугоден, — сокрушился в итоге святоша. — Иветту отлучили от ордена. За неё некому вступить.

Согласившись с ним усталым выдохом, Брюн положила Ретивого на стол — топор на мгновение привлёк заинтересованный взгляд гнома, и он, оценив оружие как годное, вернулся к трапезе. Темноволосый мальчик же подле него задержал глаза подольше, глядя на шедшие по лезвию руны и светящийся изнутри жёлтым цветом кианит, инкрустированный в проушину.

Странный камень, но какой-либо магии Фрумби не ощутил, хотя втихаря буркнул заклинание обнаружения. Незнакомка перехватила его взор и только сейчас он увидел под коркой крови её кожу — серая.

Серолюдка?

Он представлял их... иначе. Так сходу и не определишь, что она не человек. Глаза тоже серые, в отличие от волос, струящихся по плечам пламенем.

Незнакомка, в свою очередь, его особо не рассматривала, но глядела так тяжело, что Фрумби предпочёл ступешаться.

— То есть ты Брюн, да? — уточнила воительница. — Девушка с гор?

— Из-под гор, но неважно, — поправила серолюдка, повернувшись к ней. — А ты... Пракс? Из китривирийской провинции. Ученица Кáрайана.

Женщина ослабилась. Её Фрумби также узнал по нескольким признакам. Она принадлежала народу илиаров, захвативших земли людей на западе незадолго до Прибытия Затмевателей. На голову выше человека, но остальным они почти не отличаются от людей, кроме светящейся в темноте радужки глаз и заостренных клыков. Последние достались илиарам от предков, которые тысячелетия назад пили кровь животных. А такие глаза, как гласят предания, илиарам были даны богами, чтобы они могли смотреть на солнце.

— Потрясающе, — кивнула Пракс. — Вот и знакомиться не пришлось. А вон та бело-брысая ромашка — паладин из Нопта, Лэйгин. Уверяет, что клялся помочь Иветте когда-то.

Её глаза светились янтарём — так красиво, что Фрумби украдкой смотрел на воительницу.

— Не припомню набожных мужиков в её коллекции, — отметила Брюн.

— Вот и я о чём.

— А тебя как называть, гном?

— Скримигг, госпожа, — срыгнул тот. — К вашим услугам.

— Даром не нужны, спасибо.

— Я не к тебе обращался, дылдятина. А к очаровательной госпоже Серой Деве.

Пракс недовольно цокнула и замолчала. Брюн такой ответ не удивил, поскольку серолюды и гномы жили бок о бок в Смурых горах тысячу лет и при любом удобном случае одаривали друг друга исключительным пиететом.

— А ты, мальчик? — спросила она, вновь протащив увесистый взор по Фрумби.

— Я дмифелин.

Он тронул себя за короткую козлиную бородку, чтобы удостовериться, что она на месте. Без растительности на лице люди часто принимают дмифелинов за детей, а подбородок — единственное место на лице, где он мог стерпеть волосы.

— Полурослик? — нахмурилась Брюн. — Мы в Пуночьей Высоте, что ли?

Она принялась узнавать терпкий запах чародейки, наложенный поверх мебели и старых книг. Сильный запах, отмеченный высшей магией. Но, тем не менее, уже начавший выветриваться.

— Иветты тут давно не было, так?

— Два месяца не видел, — согласно кивнул Фрумби.

Брюн переглянулись с илиаркой. Неизвестно, чем закончился их мысленный диалог, поскольку гном дёрнул Фрумби за рукав, отвлекая:

— Принеси ещё этой чёрной жижи.

— Это кофе.

— Похер. Неси свою кофью, — он откинулся, поджигая трубку, которую Фрумби готовил сегодня для себя.

Дмифелин терпеливо выдохнул и потопал вниз, на кухню. В Имсэльдейле принято обхаживать любого гостя, даже если это нетёсанный мужлан вороватого вида. Проницательность Фрумби пришлась тут кстати — гном с какого-то перепугу обчистил потайные кармашки в сиденье кресла, пока думал, что за ним никто не наблюдает. Это заставило дмифелина усомниться, что его действительно послала Иветта, и одновременно озадачило, поскольку там не хранилось ничего ценного, кроме леденцовой карамели и парочки запасных перьев для записей.

Ну и вечерок.

Когда он вернулся с чашечкой ароматного напитка, Пракс решила стрясти объяснения со светловолосого человека:

— С коротышками всё понятно, а вот ты у меня вызываешь вопросы. Что за клятва?

— Госпожа отвела аспидов, когда я заплутал в своём последнем странствии, — с готовностью поведал Лэйгин. — Я обязался вернуть долг.

— Вроде это твоя паладиновская работа — защищать девок от чудищ, а не наоборот, — бросила Брюн.

— Верно. Но на мантикор я ещё не ходил.

— Жуткие зверюги, — кивнула она. — Так и быть, поверим. Всё-таки Иветта кому попало камни не раздаёт. Как и не бывает никогда должницей.

Пракс мигом подбоченилась.

— Не знаю, может ты с другой чародейкой знакома, но эта конкретная у меня в Ветриге сотню золотых заняла год назад, — она усмехнулась округлившимся глазам серолюдки. — Ага, сумма крупная, но ведь она верная подруга Карайана. А ему я доверяю. Естественно, она потом испарилась. Но, что интересно, на днях сама объявилась, поймала меня в Гровэнхилле, сунула камень возвращения и сказала, в какое время им воспользоваться.

— Не видать тебе сотни золотых, дорогая.

— Если только не рискнуть шкурой, — Пракс нервно облизнула губы. — Это будет подороже стоить.

— Рискнёшь за двести?

— Вывали ты мне прямо сейчас хоть триста, я не стану. Кому такое в голову придёт?

— А у нас есть варианты? — Брюн развела руками.

— Есть. Предлагаю сидеть и не высовываться, как мы и делаем в последние годы. Никто не узнает, что ты глохик, пока ты не скажешь, — блеснув клыками, ответила илиарка.

— Ты дура? — презрительно плюнула Брюн. — Или трусиха? Или всё вместе. Они знают нас по именам. Знают, потому что мы использовали магию, ещё до запрета. У них чуйка на это. Если кто-то где-то колдует — они знают, кто это. Они всех несогласных так переловили. Мы можем не высовываться и не колдовать. Но нас найдут рано или поздно.

Пракс вскинула подбородок:

— Может быть, я и дура, и трусиха. Но ты осознаёшь, что хочешь пойти против Двора Затмевателей? Нам даже нельзя колдовать.

Серолюдка едва не хлопнула себя по лбу.

— Во имя Ундахру, мы ведь об одном и том же толкуем! Сначала они нас травили в магическом обществе, потом запретили использовать высшую магию. А дальше что? Глохики исчезают бесследно или погибают. Единственное место, где мы можем быть в безопасности — здесь, в Имсэльдейле, за Завесой.

Фрумби оживился и прочистил горло.

— Извините.... — вежливо перебил он и, дождавшись, когда все посмотрят на него, строго проговорил: — Завеса уберегает Белые Лощины от Куруада и нечисти, но не от Двора Затмевателей. Я не могу позволить вам остаться. Если глохики будут искать убежище тут, Двор разрушит Завесу... Мы не привлекаем внимание большого мира уже несколько веков. Двор не знает, где Иветта открыла школу. Пусть так и остаётся.

Из горла серолюдки вырвался нервный смешок:

— Знает.

— Что?

— Двор знает, где у Иветты школа, — сказала Брюн, и Фрумби похолодел. — Все глохики давно упорхнули из её гнезда, так? Кроме тебя. Но ты Двору нахрен не сдался, мелкий. А почему Иветта новых не ищет, ты в курсе? Желающих получить уроки от Убийцы Безумца хоть отбавляй, даже при том, что глохиков пинают на каждом углу.

Тон, с которым говорила серолюдка, обдавал дмифелина спесью. Она и впрямь видела в нём ребёнка, хотя совсем ничего о нём не знала. Фрумби выпрямил спину, глядя Брюн в глаза.

— Что ж... Тогда мы должны что-то предпринять, — заявил он. — Как выглядит артефакт, в который её заключили?

— Артефакт?

— По-твоему, целого человека можно упрятать в обычную коробку?

— По-моему, магия на это способна.

— Опиши артефакт, — повторил он твёрже.

Брюн откинулась, присматриваясь к Фрумби. Трудно считать выражение её лица, но он умудрился разглядеть под кровавым слоем недоверчивую ухмылку.

— Похож на шкатулку, небольшую, — ответила она. — С шипами на крышке, вроде бы. Возможно, там были узоры, но точно никаких сигиллов или рун.

— Металлическая?

— Серебряная.

Фрумби едва не расплылся в улыбке:

— Ампларская Тюрьма. Нам повезло.

— Повезло?

— Её нельзя магически перемещать, а значит, далеко её унести не могли.

— Мне не нравится к чему ты клонишь, полурослик, — выдохнула Пракс.

— Если чародей с гоблинами, они пойдут в деревню. Стирлицы, слышали о такой? — добавила Брюн и свесила ноги со стола. Внушительный шмат грязи сорвался с её сапог. Фрумби прикрыл глаза, унимая раздражение. — Уродцев скинули с обрыва, но некоторые уцелели. Он будет с ними. Пойдут через Черничный бор — там мы их и перехватим.

— Почему Стирлицы?

— Это их крупнейший лагерь за Курадом. Чародей захочет защитить... артефакт, а в Стирлицах это сделать проще и ближе всего.

— А почему мы говорим так, будто они связаны? — спросила Пракс. — Чародей и гоблины? Вдруг он просто...

— Явился в самый удобный момент, да ещё и так удачно разбил мой охранный круг? — хмыкнула серолюдка. — Наверное, ты права. Это совпадение.

Илиарка яростно покачала головой.

— Нет, так не пойдёт. Если мы действительно хотим помочь Иветте, нужно найти Карай-ана. Он владеет школой, где учат глохиков. Там наши союзники. Они помогут.

— Чем? Выследят чародея по остывшим следам? — прыснула Брюн. — Пакуйте вещички и в путь, ежели ни у кого других дел нет.

Пракс собиралась было протестовать, но сдалась быстро и взмахнула длинной рукой.

— Надеюсь, сто золотых того стоит.

— Прекрасно. Паладин?

— Мой меч с вами, — опустил голову тот.

— Блеск.

— И я тоже пойду, — вставил Фрумби.

Серолюдка посмотрела на него сверху вниз.

— Дмифелины, — процедила она. — Любители поспать да пожрать. Куда тебе с нами идти, малыш?

— Мне сорок восемь зим, девочка, — отозвался он, насупившись.

— Да хоть сто сорок восемь, — оценилась Брюн. — Подумай хорошенько, прежде чем ввязываться.

И Фрумби подумал. Мысли о том, что он собирался оставить — уютную башню, тёплую постель и столько непрочитанных книг — и ради путешествия в сомнительной компании, внушали ужас. Но более жестокий трепет охватывал его, когда он размышлял о госпоже и о том, что никто из собравшихся здесь не знает, как открывается Ампларская Тюрьма. А всё зависит от того, какой комбинацией формул её запечатали.

Госпожа могла больше не вернуться в Пуночью Высоту. А Фрумби ничем не хуже паладина, ему и клятва не нужна, чтобы вызвать наставницу.

— Я подумал.

— Тюр с тобой. Не забудь захватить парадный костюм.

— Зачем? — опешил Фрумби.

— Да шучу я, — она широко улыбнулась. — Хотя кто знает, вдруг нас на бал занесёт.

— Мой арбалет вам тоже пригодится, — пробасил гном, вытирая рот рукавом. — Не хватало ещё чародеек в беде бросать.

— В тебе я вообще не сомневалась. Но сперва... Полурослик, где тут ванна?

Подсвеченное луной полупрозрачное полотно отпружинило, когда Герион грубо ткнул в него пальцем. Он не стал пробовать заклинания — отскочат ему в голову, тут и гадать нечего.

— И впрямь не пробить, — пробормотал он, обводя глазами арку склонившихся к друг другу сосен.

Переплёт синих во мраке ветвей будто приглашал проследовать вперёд, зазывая виднеющейся в искристых сугробах тропинкой со следами маленьких стоп двухнедельной давности. Коротышки настолько осмелели, что стали вплотную прогуливаться у Завесы? Правильно, им же ничего не сделает магия дохлого друида. А всех пришлых мутная материя обнимет липкими чарами и оторвнёт со всей дури назад. Приводи с собой хоть армию — все в сугробы полетят да в рядочек лягут.

«Нам-то не пробить, но мастерам...» — прошелестел в его голове Уртик.

— Ты уверен, что девчонка туда усакала?

«Видимо, использовала камень возвращения. Её простенькое *Eoxprovel* оставляет длинный след».

Герион обернулся

— Подождём?

Ему-то всё равно, как и всякому голему, созданному Двором Затмевателей. Надёжная, кропотливая работа чародеев сотворила точную копию человека, даже с поверхностным кровотоком, отсыпав в придачу магической силы, а недостатки, вроде ощущений температуры, полностью исключила.

Уртик, натягивающий на себя согревающие чары, выглядел потешно на его фоне. Проклятый лет тридцать назад и превращённый в гангина, он лишь издали напоминал эльфа, а вблизи был подобен тварям из детских кошмаров.

«Я слышу твои мысли, глина».

— Это был комплимент.

Если бы у Уртика был рот и речевой аппарат, он бы хмыкнул, но на этом всё. Телепаты вроде него и слова лишний раз не проронят, зато живо забьют голову своим потоком сознания. Но гангин сегодня был отчего-то «молчалив», пялясь в Завесу игольчатыми зрачками.

— Думаешь, скоро выйдет?

Уртик перебежал взглядом к Гериону. Повязку, скрывающую увечье, он натянул и на нос. Видать, в лесу что-то сдохло. Гангины питались запахами — цветочки там, коряги всякие да трава луговая. Любая вонь могла их убить, поэтому он то и дело затыкал себе ноздри, особенно в пределах поселений.

«Не усидит такая как она с полуросликами».

— И то верно, — вздохнул Герион. — У нас приказ. А если что-то пойдёт не так — она всего лишь чарокрадка.

Уртик вновь обратил бледное лицо к Завесе, лихорадочно ворочая носком сапога сосновую ветку на снегу.

Неизвестно, сколько им придётся проторчать в Черничном бору. Когда их швырнули на след непризнанной, у Гериона закрались сомнения по поводу этого простенького на вид зада-

ния. Ловить девку не нужно, просто следить и ждать дальнейших указаний. И это — худшее, что можно придумать.

Ждать.

Однако Уртика ворошила иная причина. Герион догадывался, но для приличия спросил: — Что тебя тревожит, друг мой? Иветту же запечатали.

«Надолго ли? В конце концов, она убила Катэля Безумца».

Герион улыбнулся про себя, качая головой.

— Великий злодей Катэль Аррол... — протянул он почти нараспев. — Знаешь, такие таланты дарованы либо гениям, либо сумасшедшим. Он — из числа последних, не зря его так прозвали. Уверовал в божественную силу хаотической энергии. Так что хорошо, что Иветта прихлопнула его.

«Говоришь, она нам услугу оказала?» — сердито защекотало мозг.

Герион невольно почесал лоб.

— Этот придурок добрался бы до Путей Первоначала. Авьясиры уже стояли бы на Скалистых островах. Там особо тонкое место, — пояснил он. — Древние думали, что слышат там бога, но то были голоса Плывающего мира. Катэль сам не понимал, куда пытался открыть дверь. Так что, да, поблагодарим девочку за то, что она прикончила его и заодно запечатала щель.

«Что ж, спасибо, — язвительно подумал Уртик. — А кто прикончит её саму? Из всех известных чародеев лишь Военег обладал той же силой. И она отличается от Первоначала так же сильно, как день от ночи».

— Двору просто нужно время, чтобы изучить её.

«Да даже без этой силы она редкий маг, — продолжал злиться Уртик. — Максимум, чего достигают высшие чародеи — совершенство в двух октавах. У неё три. И какие? Разрушение, инверсия и дух».

— Ой, ну хватит, — отмахнулся Герион. — Её вывели из игры, всё кончено.

Ветка под ногами гангина жалобно треснула.

«Её глохики гуляют на свободе. И серолюдку нам приказали не трогать. Уверен, что всё так просто?»

— Нет, — признался Герион. — Но я уверен, что они не настолько глупы, чтобы бросить нам вызов.

«Поэтому они сначала вытащат Иветту».

Он не нашёл, что ответить, и тоже вперил взгляд в мерцающую глубину леса за Завесой. Голем лишён интуиции, а потому ориентировался на опыт своей недолгой жизни — и тот неутешительно подсказывал, что Уртик прав.

Глава 3 Мир за Завесой

Взросшая в середине прошлого столетия нестабильность Первоначала, энергии, что сотворила природу и наделила её магией, проникнув глубоко в землю, принесла за собой катастрофическое явление — Вехи.

Вехи делят на крупные и мелкие. Последние представляют собой частые землетрясения радиусом не более одного километра, но также провоцируют повышенную рождаемость среди маарну — волшебных существ и нечисти. Мелкие Вехи вернули в природу множество созданий, считавшихся вымершими.

Крупные Вехи происходят гораздо реже и носят разрушительный характер, вплоть до изменений местности и климата. Пустыня может зацвести, леса — исчезнуть, горы — уйти под землю.

Всего известно о трёх крупных Вехах, произошедших в Идирндоле:

1. Первая Веха, 760-й год э.м. — исчез лесной массив Лебединых Земель, сменившись болотами, получившими позже название Зловодь.

2. Ресланская Веха, 789-й год э.м. — знаменитая цветущими лугами и плодородными полями страна Реслания превратилась в пустошь, а на её востоке на месте равнины появился лес, прозванный Солнцелесьем.

3. Суариванская Веха, 824-й год э.м. — Смурые горы раскололись на севере, уничтожив Суариву и её столицу город Блисток. На её месте образовался обрыв невероятной протяжённости, ведущий до гномьей деревни Зисвороб и наречённый как Лютокреж. Ныне он служит границей Смурых гор, а прежняя последняя вершина хребта Остропик стала одинокой горой.

Двор Затмевателей предполагает, что нестабильность Первоначала и Вехи вызваны тем, что люди перестали доминировать на Великой Земле. Такую концентрацию энергии, провоцирующую рождение маарну, в последний раз они наблюдали на заре создания своего общества во Время Камней и Стали, когда люди только-только начали развитие. Но доселе Вехи не происходили — кроме той, что по общеизвестной гипотезе сотворила мир.

А никому не кажется подозрительным, что Вехи грянули аккурат после их возвращения? Вернулись из ниоткуда и принесли с собой какую-то дрянь в чудовищных масштабах!

Да, это Первоначало, но я уверен, что оно так реагирует именно на грёбаных Затмевателей. Все же видели, как они выглядят?

Кровь в жилах стынет.

Прим: не брать в чистовой вариант рукописи.

«Идирндолские Вехи»

Карайан Фэндрах

Дивный был народец.

Трещал без умолку, стоило сонному солнцу лизнуть вечный снег на земле и отразиться лоснящимся теплом, бухтел в теплицах да множился под высокими грибами, радостно встречая новый день.

Сердце Имсэльдейла — рынок — разгорелся пересудами и бахвальством торговцев. Дмифелины хохотали во всю мощь лёгких и приглашали друг друга на ужин, с утра пораньше запасаясь свежей выпечкой и жёлтыми помидорами размером с гномий кулак. Разноцветное полотно торговых палаток отзывалось рябью в глазах, без того ослеплённых белизной сугробов, а в проулочках, отгороженных хлипким забором, довольно хрюкала мохнатая скотина. Забитые всячиной телеги натужно скрипели, маневрируя между полуросликами. Сверху трепетали стяги ярмарочных скатертей, расшитых пунцовыми цветами, и кружевные салфетки, развешанные так, чтобы любой мог дотянуться и прощупать качество работы.

Пряности и самоцветы сюда не завозили, зато ароматы пирогов с морошкой разливались на редкость упоительные, подстрекая Скрима на грешный второй завтрак. Ещё немного и придётся проделывать в поясе новую дырку.

— Один золотой? — возмутился он, ткнув толстым пальцем в блестящий рыбий бок. — Хамство какое! Dusenher!

Водяных гадов он не любил. Пресные, да все в костях, а в желудке урчит уже через час. Но полурослик, что приторговывал рыбиной, клялся, что выловил её у северных истоков Бокандивина, с простецкой наглостью не замечая, что точная такая же васильковая чешуя резвилась тут же, в городской черте.

Эта, говорит, порченная. Нюхнула сточной канавы.

— Какая же тут канава, малец? — Скрим потрянул бородой. — Поди, занесёт тебя в Сури-тир летней порой, тогда мигом сообразишь, что есть канава — вонь такая, что режет очи аж у западных ворот.

А полурослик опять за своё.

Дескать, в Имсэльдейле народу полно. А чего народ делает? Правильно. Гадит.

Скрим оглядел «обгаженные» улочки, на которых сверкал притоптанный снег, совершенно плоский у загонов, где со скуки храпели хряки, раскинув начищенные копытца.

Хмыкнул. Он-то не мастак в торгашных делах, хотя какую-то хватку с годами приобрёл, но на потягаться с этими бесстыдно хлопающими глазёнками её явно не хватало.

Скрим отступил, разворачиваясь и утыкаясь лбом в отделанный кожей и замысловатыми узорами доспех — серолюдка опустила на него взор, словно сама не ожидала набрести на гнома.

— Присматриваешь чего?

— Да я так. Подышать. Полюбоваться, — протянул Скрим, сопроводив слова неопределённым жестом. — И приспичило же полурослику покинуть эти края.

Оставив торговца вовсю обрабатывать другого покупателя, они отошли к скатертям. Пока серая лапала ткани, Скрим дивился голубому небу, слегка оперившемуся облаками.

— Гляди, как же тут хорошо...

— Хорошо, — эхом отозвалась девочка и тоже уставилась наверх. — Сдаётся мне, наш просто отличается от других. Иначе бы и в голову не пришло пойти в ученики к чародею.

— Да кому это вообще придёт. Ежели по нужде сильной.

Они пошли вдоль палаток. Серолюдка заговорила тихо:

— Они оставили родные Межевые холмы тысячи лет назад, когда там появились люди с востока. Это был их первый и единственный великий поход. Путешествия, большой мир — не про них. Они не боятся. Им это просто не нужно.

«Ещё бы», — мысленно поддакнул гном, мало представляя, чтобы ручёнки полуросликов брали однажды что-то потяжелее садовых инструментов.

Здесь природа заботилась о своих соседях, щедро одаривая всем необходимым, а взамен не страдала ни от вырубки лесов, ни от подземных скважин, ни от мощёных дорог, погребавших под собой почву.

До смешного гармоничное и суматошное местечко, эти Белые Лощины, край вечной зимы и вечного кануна Сэпира¹.

— Вы часом тут не путешествия обсуждаете, добрые господа чужестранцы? — прохожий полурослик остановился, преградив им дорогу, но широкополую шляпу снял по этикету.

— Они самые, господин дмифелин.

— Да мысли о странствиях, не то что разговоры — что за вздор! — картинно воскликнул он. — Вам, смутьянам, нечего делать в этих краях, покуда смеее распространять столь сомнительные аферы.

— Мы прибыли по приглашению Пуночьей Высоты, — улыбаясь, ответила серолюдка.

— Стало быть, вы друзья Фрумби Пайнтриша? — он оценивающим взглядом окинул их с головы до пят, а потом энергично закивал. — Немало благ принесли его эликсиры, но я всегда говорю: от чароплётов доброго не жди!.. Идите странствовать, господа. И господина Фрумби с собой захватите.

Вернув шляпу на место, полурослик довольно зашагал дальше.

— Непременно, — бросила ему вслед серолюдка и, встретив взор Скрима, пожала плечами.

Они были примерно по плечо гному и по пояс девочке. И впрямь полулюди.

Глазели на чужаков как на многоголовую гидру, хотя Скрим не сомневался, что они не первые. В края дмифелинов редко, но забредали путники. Маги в основном, да друиды, а больше некому. Никто особо не вспоминал о них, иной раз кажется, словно их и вовсе не существует — Завеса, наверное, так чудила. Но и без неё как будто бы и не отыскать повода посудачить, поскольку полурослики не участвовали ни в истории. Лишь некоторые представители прославились, рискнув выйти в мир далеко не по их размерам.

И табачок у них, к слову, отменный. Скрим набрал про запас.

— Вот, — серая вдруг сунула ему в доверчивую ладонь какой-то камень. — Рунический. Каждому такой сделала. Оружие в ближнем бою, направленное против тебя, промахнётся. Но в одном случае из трёх, так что бди в оба глаза.

— Готов бдить! — бодро отозвался Скрим, пряча шершавый камень во внутренний карман стеганки.

— Я видела вчера, что ты пришёл с арбалетом, — сказала она. — Магический?

— А то, — Скрим гордо поднял голову. — Я зову его Лихострелом. Он может создавать бесчисленное количество магических стрел.

— Из-за янтаря в колодке? — догадалась девочка. — Талисман твой?

— Придумали вместе с чародейкой, — угукнул Скрим.

— А как вы познакомились?

— В Суритире, пару лет назад. Она меня тогда немного фокусам обучила. Искала какого-то чародея, вот и обратилась ко мне. Вроде как потом его прихлопнула, хер знает. Суровая она. Улыбается тебе в лицо, но может и щелчком пальцев поджечь.

— В этом вся она, — выдохнула девочка.

— А так, я-то в Смурых горах родился, — разоткровенничался Скрим. — К вольникам перебрался по молодости. Наши не жалуют тех, кто ушёл на Побережье, в города над землёй, но мне все годы думалось, напрасна эта вражда. Гном везде гном.

Она кивнула. Коротко так, по-свойски, словно он не сболтнул лишнего девочке, которую знал всего день, а поделился личным с давней подругой.

С Серыми Девами всегда так.

— Обменять кирку на арбалет оказалось самым мудрённым решением в моей жизни, — добавил он.

— Может быть, мудрым?

— Ай, — Скрим махнул рукой. — Батёк мой, не помер бы рано, догнал бы и настучал по темечку за скитания этишние, да вот токмо повидать мир стоит любых распрей.

Серая улыбнулась. Хорошая улыбка — открытая такая, а зубы-то какие ровные. Глазами хлопала будто серна, хотя и смотрела грузно. Молодая ещё, но многого повидала.

— Ты из какого клана будешь, девочка?

— Рукхада.

Он удивлённо к ней развернулся.

— Брюн из Красножелезов? Не признал сразу, прости. Это честь для меня, — он выставил вперёд предплечье и сжал кулак. — Скримигт из клана Камнежилов.

Красножелезы, ну надо же!

Богатейший клан в Торовате, ныне разбитый чередой трагедий. Понятно, откуда серна таила печаль в глазах, сизых и глубоких как грозовое небо.

— Для меня честь встретить тебя, Skhrimigge zib Stholurdah, — отозвалась девочка и соприкоснулась с ним предплечьем в ответном жесте, чуть навалившись, как и требовало приветствие.

Будь Скрим в её годах, то бесповоротно влюбился бы, несмотря на то, что это редкое явление между гномами и серолюдками, навсегда связанными узами многовековой дружбы и не более. Но Дев всегда отмечали — не костлявые, как эльфийки, но и не такие крепкие, как человеческие и гномьи бабы. Что-то в них было... внеземное. Вдали от гор их часто насмешливо кличут феями рудников. Завистники, чтоб у них языки отсохли.

Когда они вернулись в башню, полурослик уже запаковал свою поклажу и восседал на сумках, вытянув шерстистые ноги и покуривая трубку. Рядом хихикала илиарка, заливая в себя очередную чашечку с бодрящей чёрной жижей, больше походившую на рюмку в её ладони. Паладин, под чьими доспехами, оказывается, скрывалось довольно худощавое тело, прятался за книжкой у кухни.

Солнечный свет заливал первый этаж, золотя горшки с растениями и многочисленные сундуки, в которых чего токмо не было — это Скрим выяснил давеча, аккуратно заглянув в каждый. Соблазн умыкнуть что-то себе под стеганку велик, но он не решился, хотя его особо покорили серебряные подсвечники в форме драконов. В наличии имелось и всякое тряпье. Он не разбирался, но ткани выглядели заморскими и начётистыми.

Судя по размерам сумок мальчика, половину из этих сундуков он всё же туда запихнул и сидел, довольный, что мочи нет.

— ... Это первая ступень. Признали же ещё лет десять назад.

— Я писала исследование в Кютисе по инверсии и могу предположить, что его считали второй лишь из-за сложности формулы. И поскольку...

Оба умолкли при появлении гнома и серолюдки, падая зазнайскими лицами в замешательство.

— За пределами твоей Завесы нельзя колдовать, запомни, мелочь, — хмуро проговорила девочка, захлопывая входную дверь.

Мелочь засунул большой палец под подтяжку, выпячивая перстень с крупным рубином на безымянном. Талисман, скорее всего.

Зажиточный был, чертяка.

— А что? — с вызовом спросил он. — Обсуждать магию тоже нельзя?

— Я предупредила, — серолюдка обошла их и швырнула на стол сетку с картошкой. — Один писк — и Затмеватели тут же нас накроют.

Илиарка уже упорхнула со своего места, будто они и впрямь нарушили их идиллию. Знай бы себе сидели и до ночи трескали о чародействе — высшей магии²², чтоб её, в которой Скрим ничего не смыслил. Зато куда больше разбирался в рунической, которой владела Серая Дева. Каких-либо упоминаний о том, кто начал использовать руны как сигилы, история не хранит, однако их часто применяли во Время Камней и Стали, в эпоху расцвета гномьих королевств в Предгорьях Фроуда и Смурых горах. Рунами зачаровывают предметы, чтобы те обрели всякие там магические свойства, а ещё делают охранные круги, которые сложно разбить даже искусникам.

Мудрые штуки, почти что наука, которую не всякий сумеет постичь. Их магия полностью зависит от начертания и правильности произношения на языке, на котором не говорят уже тысячи лет. И сами гномы не помнят его, поэтому руническую магию осваивают лишь единицы.

Должно быть, у девочки был недюжий авторитет в Зисворобе.

Красножелезы, напомнил себе Скрим.

Они там все такие умные.

— Вот это всё, — серолюдка обвела рукой сумки, — разбери.

— Что?

— Когда я говорила про парадный наряд, я шутила, смекнул? Мы пойдём пешком и половину башни, которую ты тут насобирал, точно не унесём с собой.

— Пойдите, а как же посуда? А одеяла? А подушки? — едва ли не ужас объял дмифелина. — Неужели вы планируете спать на голой земле?

Усмешка прорезалась на её лице:

— Есть время передумать.

— Ни за что! — яростно замотал головой он. — Просто... Я думал, что...

— Что нам предстоит экскурсия со всеми удобствами?

— Могу я взять книги?

— Нет.

— Ты ведь Пайнириш, да? — вклинился в их тухлый диалог Скрим. — А ты часом не родственник Бисимби Проныры Пайнтриша?

Полурослик захолопал густыми ресницами:

— Он мой дедушка.

— Охренеть, — присвистнул Скрим. — Твой дед был звездой в своё время. Обокрал герцога Ардейнардского, навёл шороху во всём Вайленбурге.

— Не думаю, что тут есть, чем гордиться, — вздохнул малец.

— Эй! Все любят истории о храбрых героях, крадущих золото у богачей и щедро деливших его с друзьями.

— Эти деньги нажиты нечестным трудом.

— Тем больше причин оставить свои богатства тут, — добавила серолюдка. — Разбирай добро. Да поживее. Выступаем после обеда.

— А ты подумала о том, что мы будем делать, когда найдём мага и его волшебную коробку? — раздражённо буркнула илиарка.

Будь у дылды хвост, он наверняка бы завивался бешеным ужом в её ногах, а то и вовсе дотянулся, чтобы придушить девчонку.

Ну и дела.

Вчера познакомились, а уже перья летят.

— Тут думать не надо, клыкастая. Токмо действовать, — опередил серую Скрим.

— Угу. До первого плевка огненным шаром, — она завела глаза. — Надо полагать, никакого плана у нас нет?

— Он тебе нужен?

— Слушай, это какой-то абсурд, — она гневно смахнула со лба непослушную кудрю. — Иветта сильна, это факт. Но он сумел поймать её. И мне не очень хочется в лоб переть на того, кто превосходит Убийцу Безумца.

— Необязательно быть сильным магом, чтобы использовать Ампларскую Тюрьму, — вякнул дмифелин, перетягивая горящий взгляд илиарки на себя. — Артефакт создали курадские ведьмы, это тёмная магия, но она...

— Гораздо слабее, я в курсе.

— Я не об этом, — мягко перебил он. — Тюрьма хитрее устроена по сравнению с другими магическими ловушками. Заклинания запечатывания накладываются до того, как жертва в неё попадётся. Нужно лишь застать врасплох.

— По взгляду Иветты можно было понять, что тот гад — точно не глохик, — возразила серолюдка. — Вряд ли она его узнала, но прощупать его силы успела. От того и растерялась.

— Скорее всего, она увидела артефакт в его руках, — опроверг дмифелин.

— Тебя там не было. Ты в этот момент грел свою маленькую жопку в её кресле, — обрубила девица, так злобно, что аж самому Скриму подурнело.

Чего ты так взъелась на полурослика, милая?

— Чтобы придумать план, нужно сначала узнать, кто этот хмырь, — продолжила она. — А для этого подобраться к нему и тюрьме поближе. Вдруг *мы*хитрее него устроены, выкрадим коробку и дадим стрекача, только пятки он и увидит.

Илиарка испустила раздосадованный вздох.

Сейчас начнётся.

— Карайан точно знает, в чём дело.

— Ой, да завали ты со своим Карайаном, — огрызнулась серолюдка. — До Ветриги неделя пешего ходу. Мы упустим Иветту, если пойдем туда.

— Почему мы вообще должны слушать тебя?

— Потому что я так сказала, — отрезала девочка. — Либо мы сделаем по-моему, либо идите без меня.

Дылда закипела:

— У себя в шахтах ты раздавай приказы, здесь тебе не грёбанный Зисвороб.

Серая развернулась к ней всем корпусом.

— Отдай рунический камень, дорогая. И вали в Ветригу, как хотела. В одиночку, — она перешла на шёпот. — Копьё для красоты носишь?

Илиарка подскочила к ней и серой пришлось задрать голову, чтобы удержать глаза на лице этой оглобли.

— Дамы, дамы, — поспешил Скрим, встав между ними. — Дракой вы ничего не решите. Бейте меня, ежели от этого легче. У меня вон лобище какой крепкий.

Дылдятина надула щёки и отвернулась. Серолюдка же, подостыв, проговорила:

— Мы найдём Иветту, а потом... Ну, надеюсь, она знает, что делать дальше, — она повела плечом. — Мы все ей должны. — Илиарка вскинула бровь и девочка неохотно дополнила: — А кому-то должна она, без сомнений. Помимо прочего, если она сможет решить вопрос с Двором, тут сами боги велят впрячься за чародейку.

— Брюн права, — очухался паладин. — Затмеватели считают, что авьясиры вернутся за ними, если глохиков, а соответственно и скоплений Первоначала, станет больше. А другие чародеи и рады оказаться в кругу избранных, обвинив вас в «чарокрадстве».

— Авьясиры? — не понял Скрим.

— Внешние твари, — охотно пояснил святоша. — Те, кто похитил Затмевателей.

— Я бы больше переживала за тварей из нашего мира, — отозвалась серолюдка. — Куруадская угроза ползёт на юг. Глохики хоть как-то думали о защите других, пока эти индоки отсиживались.

— Но Первоначало и правда бунтует в последнее время очень сильно, — встрял полурослик. — Оттого и всё новые выводки чудищ.

Девчонка не согласилась:

— Значит, Внешние твари давно должны явиться по души затов. Но чего-то их не видно. По мне, так все их рассказы про ужасы Плывающего мира — брехня полная.

— Но что-то с ними там случилось, раз они стали такими.

— Я не спорю. Просто не верю в то, что какие-то силы зла вот-вот полезут на нас из-за поворота, — сказала она и на мгновение призадумалась. — Затмеватели и прочие мечтают стать замкнутой системой, к которой глохики никакого отношения иметь не будут. Это и есть причина, почему они открыли на нас охоту.

Она и рассудительна ко всему прочему.

Не женщина, а мечта.

Гном уселся в кресло, с которого подлетел паладин, чтобы помочь полурослику разобрать багаж. Девки некоторое время глядели друг на друга, мысленно полоща, но разошлись. Потом серолюдку вновьшибанула дума. Она обратилась к дмифелину:

— Кстати, о Куруаде. Ковен, говоришь, изобрёл эту штуку?

— Да, давно, — подтвердил он и поймал её взгляд. — А что?

— Возможно, что наш чародей — облезлая ведьмачка из Куруада. Они с самой Бойни Клыков не вылезали со своих территорий. А учитывая, что они служили Безумцу...

— Не поздновато ли для мести? — с сомнением фыркнула илиарка.

— Кто знает. Просто слишком много совпадений.

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.